

ВОЗМОЖНОСТИ АКТУАЛИЗАЦИИ НАРОДНЫХ СВАДЕБНЫХ ТРАДИЦИЙ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЫ

В. И. Ситников

Предлагаемый материал представляет собой попытку обозначить имеющиеся в настоящее время потенциальные возможности для включения традиционной свадебной обрядности в актуальную культуру современников.

Заметной чертой, характеризующей современный социокультурный процесс, является переориентация в системе ценностей, стремление осмыслить изменившиеся политические реалии, определить жизненные приоритеты. В ситуации кардинальных социальных перемен вполне естественным оказывается обращение к историческому культурному опыту своего народа. Именно этим сегодня можно объяснить своеобразный всплеск общественного интереса к фольклорным традициям. Актуальность фольклора для современников определяется тем, что в нём представлены выверенные народным опытом образцы и модели поведения человека в различных социальных ситуациях.

Одной из основных социальных ролей человека является роль семьянина. Институт семьи на протяжении всей истории человечества подвергается постоянным воздействиям целого комплекса факторов: и экономических, и правовых, и культурных, но в своей морально-нравственной основе он неизменно выражает общечеловеческие идеи священности понятий материнства, отцовства, детства, рода.

Момент рождения семьи в народной культуре ознаменован развёрнутой многоплановой ритуально-обрядовой формой — традиционной свадьбой. Главными стержневыми смыслами традиционного свадебного комплекса являются идеи социального становления, общественного перевода (инициации) молодых в новый для них и жизненно значимый для социума брачный статус, а также идея сближения двух семейных родов ради продолжения рода. Не случайно так насыщена традиционная свадьба ситуациями, связанными с дарами и дарительными обменами. Обилие даров и обмен дарами в традиционном свадебном обряде имеют строго обязательный и строго регламентированный характер, хотя в своей основе эти дары являются добровольными. В глазах человека традиционной культуры обмен дарами имел магическую силу и был одним из мощнейших средств социальной связи.

Ситуация необходимости налаживания новых социальных связей, связей родства по браку определила наличие двух важнейших мотивов в свадебном комплексе — мотива соперничества, недружелюбия, подозрительности и мотива примирения, стремления «уважить», породниться. При этом не затухает и не выпускается из виду главная идея, ради которой осуществляется объединение разных, чужих по отношению друг к другу родов — идея продолжения рода, идея плодородия.

Именно эти смысловые позиции определили и жанровую насыщенность традиционной свадьбы, и её композицию, структурное строение. При несомненном

наличии своеобразия и особенностей в восточнославянских свадебных комплексах разных локальных зон, многочисленными исследованиями выявлена чётко выраженная *общая* для всех русских свадеб структура.

Прежде всего, традиционная свадьба по составу обрядов и по эмоциональному состоянию чётко делится на две части: конфликтно-драматическую и праздничную (свадьба-похороны и свадьба-веселье).

Кроме того, по развитию и последовательности обрядовых действий свадьба разделялась на три периода: *предсвадебный, собственно свадебный и послесвадебный*. Каждый из этих периодов состоит из отдельных законченных частей (эпизодов, картин).

К предсвадебному периоду относятся: *сватовство, смотрины, сговор, великая неделя, баня, девичник*.

К собственно свадебному — обряды, совершавшиеся *утром в день свадьбы* в семьях жениха и невесты, *приезд свадебного поезда* в дом невесты, обряд *передачи невесты жениху, отъезд к венцу, приезд после венца* в дом жениха, *свадебный пир, подклет*.

Послесвадебный период — это обряды *утра первого дня после свадьбы*, а также обряды, совершавшиеся в течение первого брачного года.

В рамках заявленной темы данной статьи важно отметить, что каждый из структурных компонентов традиционного свадебного комплекса представлял собой «сценарий» социально утверждённого, принятого в конкретном сообществе поведения.

Традиционную свадьбу образно можно назвать «практикумом» по коллективному общению. Здесь чётко определены роли и функции каждого из участников знаменательного события. В социально-психологическом плане крайне важным оказывается то, что, ставя в центр внимания молодых, традиция регламентирует их поведение в соответствии с представлениями о том, как следует начинать жизнь, каких норм необходимо придерживаться. Обрядовые формы задают соответствующие событию модели взаимодействия для всех участников и тем самым снимают излишнее волнение, которое неизбежно возникает в ситуации поиска или выбора линии поведения, определения своего места и положения в коллективном праздничном общении.

Сегодняшние участники свадебного торжества лишены такого комфортного самоощущения, потому что современная свадьба не обладает устойчивостью развитых специфических сюжетов общения, подобающих столь значимому социальному событию. Современная свадьба при наличии организатора-тамады, как правило, низводится до уровня развлекательного шоу. В подобных шоу нет и намёка на попытку сохранения корневых смысловых идей, заключённых в традиционном свадебном обрядовом комплексе, тех идей, которые осмысливались и кристаллизовались многими предшествующими поколениями. Тем не менее многие люди оказываются просто вынужденными соглашаться на предлагаемые формы услуги, так как других нет. Но современному человеку по природе своей свойственна потребность в социально значимой ритуализации важнейших жизненных событий. Не находя удовлетворения этой потребности ни в современной шоу-свадьбе, ни в условиях су-

шествующей процедуры регистрации акта гражданского состояния, люди всё чаще и чаще пытаются обратиться к традиционным формам свадебной обрядности.

Именно потребность современников в традиционной свадебной обрядности выступает одним из факторов, обеспечивающих возможность актуализации этой формы традиции в культуре наших дней.

Другая возможность обнаруживается в связи с многочисленными, массовыми фактами существования в памяти старших поколений достаточно большого и полного объёма информации о традиционной свадьбе. При общей тенденции угасания живых форм бытования фольклорных традиций современным исследователям, осуществляющим фольклорно-полевую, экспедиционную деятельность, удаётся пополнить информационные базы данных всё новыми и новыми материалами. Например, опыт исследовательской практики студентов и преподавателей кафедры народного художественного творчества Филиала Государственной академии славянской культуры (ГАСК) позволяет говорить о возможности составления достаточно полной картины традиционной свадьбы даже по материалам, касающимся только одного — Новоторжского района Тверской области.

Анализ материалов экспедиций и фольклорно-этнографических источников позволяет утверждать, что одним из элементов свадебного обряда, бытовавшего в Тверском крае на рубеже XIX–XX вв., был эпизод прощания девушки-невесты со своей «девичьей красотой». По своей сути он призван отметить переход невесты в другую семейно-родовую и социально-возрастную группу.

В русской свадебной традиции предметами, символизовавшими «девью красоту», могли выступать ёлочка или куделя, девичья головная повязка или косник, а также лента, берёзка или даже куст репейника. Спектр действий, производимых с этими предметами, различен. В одних случаях это сжигание или уничтожение, в других — дарение, в третьих — демонстрация всевозможных обрядовых действий. «В тех случаях, когда в качестве девьей красоты выступала не лента, а елочка, ее иногда ставили под иконы, “а потом несли за невестой под венец”»¹.

«Девья красота» могла присутствовать в разных эпизодах свадебного обряда; например, таких, как сватовство, баня, девичник, утро дня свадьбы, свадебный пир. Мотив прощания невесты со своей «красотой» звучал многократно. Из опубликованных свидетельств по тверской свадебной обрядности можно отметить утверждение Л. С. Гвоздиковой и Г. Г. Шаповаловой о том, что предметом, олицетворявшим «девью красоту» в Тверской области, как правило, была «куделя» или лента (Осташковский, Новоторжский, Старицкий, Тверской, Зубцовский уезды)².

В ходе экспедиции 2007 г., проводимой тверским Филиалом ГАСК в Торжокском районе в деревне Пашино, был обнаружен гребень, использовавшийся для прядения пряжи. Наше внимание привлекло то, что центральная часть гребня была слегка обгоревшей. Возникло предположение, что данная подпалина может быть свидетельством того, что гребень использовался в свадебных действиях именно как предмет, олицетворявший в комплексе с куделью «девью красоту».

Основываясь на свидетельствах информантов о том, что на последней «п[р]сидке», на которую приходила невеста, на прялке сжигалась её куделя как сим-

вол окончания девичества, можно утверждать, что подпалина на гребне является следствием свадебных обрядовых действий. Такие действия не обладают региональной уникальностью. В самых различных вариантах они характерны для многих территорий. Например, при упоминании о ряжении на свадьбу находим следующее описание: «На свадьбе рядили в покойника, в “смерть”. Свадебная игра проходила в очень сходных действиях со святочными играми в покойника.

В Пензенском уезде этот обычай ещё существовал в начале XX в., хотя выполнение его в это время было не столь обязательным, как прежде. Покойником наряжались мужчина или женщина, его клали в доме родителей молодой. Все находившиеся здесь делали вид, что оплакивают его, причитали, кое-кто кадил лаптем, привязанным к оборам. В это время кто-нибудь прятал на гребне зажжённую кудель, а затем бросал её в гостей. Покойник вскакивал и пускался в пляс»³.

Следует заметить, что действия с девьей красотой в канун свадьбы фиксировались исследователями в Новоторжском районе ещё 25 лет назад. Л. С. Гвоздикова и Г. Г. Шаповалова особо подчёркивают стабильное функционирование «девьей красоты» в двух моментах тверского свадебного обряда — это «баня» и «девишник»⁴. В ходе экспедиции ГАСК в этом районе нам не довелось слышать рассказов о девишнике как таковом. Возможно, что этот предсвадебный эпизод трансформировался в «последнюю посидку», где продолжали функционировать традиционные для девишника обрядовые действия. Если «мальчишник» с аналогичными функциями прощания с холостяцкой жизнью распался ещё в начале XX в., то к середине века эта же участь постигла, по-видимому, и «девишник».

Начиная с довоенного времени традиционная свадьба постепенно уступает место обыденной казённой процедуре «записи акта гражданского состояния». Старожилы так и сообщают: «Свадьбы не было. Какая свадьба. Расписались — и всё». Например, Галина Александровна Шмаль, 1935 г. р., Сергеева Надежда Михайловна, 1940 г. р., Фёдорова Антонина Дмитриевна, 1936 г. р., уроженки д. Галки Сукромльского с/п, рассказывают: «Мы по-новому замуж выходили. Расписались, да и всё. Ну а дома стол. А после войны и родни-то не стало. Родни-то нет, кому свадьбу собирать? Собирать-то некому».

А Егоровы Василий Иванович, 1930 года рождения, и Мария Григорьевна, 1925 года рождения, из деревни Маслово сообщили о своём бракосочетании: «Зашёл я в сельсовет, Николай Николаевич, я приду ... ей предупредил 18 декабря... Он не сватал. Встречались, ходил он ко мне восемь месяцев, потом решили пожениться. Сестру мою благословляла бабушка, она чужая была, конечно, а меня никто не бусловлял. В 56 году мы поженились. У меня подружка была, спросила у меня: “Ты что, замуж собралась?” Я говорю: “Да”. Она и заплакала. И я с ней. Раньше же когда отправлялись замуж выходить, невесту-то готовили и плакали всё время. Приговаривали. У меня сестра была, вот та знала, что приговаривать надо, а я не знаю. Нас было семь человек у мамы, и все умерли... Мы и пошли с ним в этот вечер записываться. Вдвоём. Погода была плохая, ни зима, ни весна, ни пойми что было. Мы записались и пришли к его родителям. Мать его она молчаливая такая была. Ей не хотелось, чтоб мы с ним пожениться. У нас женщина одна была на работе,

постарше всех, так она говорила: “Маруся, ты придёшь, записавши, матку сразу назови, а то не назовёшь — потом не назвать будет”. Так и было, я сразу назвала. А она, матушка, покойница, она не назвала своего мужика, долго потом не называла. Да, боялась назвать мужа сваю. Замуж вышла, дети уже были, она не называла его... Ну, вот мы пришли. Они стол собрали — мать и сестра его. Ну, тогда было просто, картофельную тушёнку, капустную тушёнку. Никто меня не благословлял. А просто, собрали на стол, садитесь, да и всё».

В этой ситуации угасания свадебной традиции удивительным событием представляются сохранившиеся в памяти людей специально приуроченные к свадебному обряду песни. О действиях накануне свадьбы, связанных с «девьей красотой», свидетельствуют песенные образцы, которые удалось обнаружить в ходе экспедиции филиала ГАСК 2007 г. Из текста песни «Что не в трубоньку» явствуют действия, в которых присутствует «девья красота» (по-видимому, в виде ленты).

Пример 1.

Ох, что не в трубоньку трубила рано по утру, ох, рано по утру.
 Ох, что ведь Марьюшка плачет по русою косе, ох, по русою косе,
 Как сиводни ты, русая, сама я чёсала, ох, сама я чёсала,
 А родимая матушка заплётывала, ох, заплётывала.
 Уж как завтро ты, русая, сваха заплетёт, ох, сваха заплетёт,
 Заплянут тибя, русая, на диве косы, ох, на диве косы,
 Обовьют тибя, русая, вокрук(ы) головы, ох, вокрук(ы) головы,
 Ой, наденут на головушку бабыю скроту, ох, бабыю скроту,
 Уж как бабья-то скротынька с печи не видать, ох, с печи не видать,
 Ой, уж как девичья красота за сто вёрст слыхать, ох за сто вёрст слыхать.

Voice

Что не в тру- бонь-ку тру- би - ли ра- но

по ут- ру, ох, ра - но по ут- ру.

Подобные песни исполнялись после «бани», на «девишнике». Распространённость такого песенного образца достаточно широка. Например, в двухтомном издании «Русская свадьба», подготовленном Государственным республиканским центром русского фольклора в 2000 г., приведён вариант этой песни из Ставропольского края. Там эта песня исполнялась накануне венчального дня, после «бани». Причём

в процессе исполнения песни активная роль отводилась матери невесты. Она допоздна многократно заплетала, расплетала и снова плела косу своей дочери-невесте. «Подруги в это время сидели за столом, несколько раз без перерыва они пропевали эту песню, “растрогивали” невесту с матерью, которые плакали, не проговаривая какие-либо слова»⁵. В этом же издании приведён схожий образец песни из Воронежской области⁶. Варианты различимы как по тексту, так и по напеву. В торжокском варианте поэтического текста также обнаруживается уникальное своеобразие при очевидной закреплённости в обрядовом плетении косы накануне свадьбы.

Приурочен к этим обрядовым действиям и другой песенный образец — «При вечере», обнаруженный в ходе торжокской экспедиции ГАСК.

Пример 2.

Да. При вечере, как при вечере, да.
 При остатнём было времечке,
 Как у Марьи на девичнике, да,
 У Ивановной на девичьём, да,
 Прилетал к ней млад есён сокол, да,
 Млад есён(ы) сокол залётненькой, да,
 Добрый молодец заезжинькой, да,
 Он садилэсэ на окошечку, да,
 За серебряну решеточку, да,
 Что никто его не видит то, да,
 Что никто и не узорит то, да,
 Как увидела, узорила, да,
 Марьи́на то родна матушка,
 Говорила чаду милому, да:
 «Чадо милоё родимое, да,
 Приголубь есного сокола», да,
 «Ты, родимая, моя матушка, да,
 Я бы рада приголубити, да,
 У меня язык то не ворачётчы. Да,
 И уста не розверзаютцы, да,
 Белы ручки опускаётцы».

Voice

Да при.. ве- чё- ре, как при ве- чё-ре да

при.. ос-тат- нём бы- ло вре- меч-ке, да как... у Ма- рьи.....

Текст песни совершенно явственно указывает на время и место своего исполнения. Интересный вариант этой песни мы находим в публикации «Тверских губернских ведомостей» за 1850 г., правда сообщён он из Ржевского уезда, а более точной паспортизации не приводится⁷.

Характеризуя предсвадебный комплекс, распространённый в центральной части России, исследователи отмечают, что песни типа «Что не в трубоньку» дополнялись песенным сюжетом «При вечёре», создавая целостную музыкальную картину обрядового действия⁸. Возможно, что и в Тверской области подобная взаимосвязь песен имела место.

Из песен предсвадебного периода можно назвать ещё один образец, обнаруженный в торжокской экспедиции. Это песня с широко известным сюжетом «Изменщица...», которая исполнялась девушками-подружками под окнами или в доме на «сговорах»⁹. Запись, которая имеется в нашем фонде, представляет собой лишь фрагмент песни. Важно то, что этот образец, несомненно, входит в единый музыкально-обрядовый комплекс, так как исполняется на формульный напев предыдущей песни.

1. ...
2. Она изменщица, оманщица
3. Она сказала ноне замуж не пойду, да,
4. Не пойду и не подумаю идти, дэ,
5. Ни за князя, ни за барина, да,
6. Сама вышла за простого молодца,
7. За Ивана Ивановича.

Торжокская свадебная песня «Ты река ли моя, реченька» представляет собой образец, относящийся к предвенчальному периоду и исполнявшийся для невесты-сиротки. В русской свадебной обрядности песни такого рода могли звучать в момент «рукобития» или на «сговоре», а также взамен родительского благословения, когда жених приезжает выкупать невесту. Невеста под эту песню обычно причитала¹⁰.

Пример 3.

1. Река ли моя речен(и)ка, ой, да,
Ты река ли моя быстрая.
2. Ты река ли моя быстрая, ой, да,
Ты течёшь реч(и)ка не взмутишься.
3. Ты течёшь реч(и)ка не взмутишься, ой, да,
С желтым бережком не сровнишься.
4. С желтым бережком не сровнишься, ой, да,
Что сидит ли красна девушка.
5. Что сидит ли красна девушка, ой, да,
Она сидит, да не улыбнется.
6. Она сидит, да не улыбнется, ой, да,
Говорит речи, не усмехнётся.

Voice

1. Ты ре- ка ли, мо- я ре- че- ни-ка

5
ой да ты ре- ка ли мо- я бы... бы- стра- я.

Имеющаяся запись этой песни (как и предыдущая песня), к сожалению, представлена только этим небольшим фрагментом. По другим публикациям с полной сохранностью текста приуроченность к сиротской свадьбе становится очевидной исходя из развёртывающегося сюжета. Далее по тексту следует обращение к крёстному отцу или брату с просьбой пойти к Божьей церкви, ударить в звонкий колокол, чтобы расступилась мать-сыра земля, раскололась гробовая доска и чтобы вышла родная матушка (родный батюшка) благословить свою дочь. С полным тверским вариантом этой песни (но опять-таки из Ржевского уезда) знакомит публикация более чем полуторавековой давности в «Тверских губернских ведомостях»¹¹. Факт обнаружения и сохранности в народной памяти фольклорных произведений, зафиксированных публикацией ещё в XIX в., представляется, конечно же, замечательным и удивительным.

Приведённые примеры образцов, зафиксированных в фольклорно-этнографических экспедициях, относятся только к одному предсвадебному периоду. Но и они убедительно показывают, что народная память ещё способна выступать надёжным фактором обеспечения преемственности культуры. Безусловно, для актуализации фольклорного слоя традиционной культуры, который всё ещё сохраняется в памяти представителей старшего поколения, сегодня нужны посредники — специалисты в области народного художественного творчества, фольклористы. Именно с ними связаны надежды на сохранение, возрождение и включение элементов фольклорной культуры в современную жизнь.

К когорте таких специалистов сегодня примыкает внушительная армия представителей развивающегося этно-аутентичного направления современного фольклоризма. Многочисленные так называемые вторичные фольклорные коллективы в максимально близком к первоисточнику, подлинном виде воспроизводят во внесценической форме не просто образцы фольклорного наследия, но целостные фрагменты традиционного образа жизни. В рамках этого направления наряду с освоением произведений фольклора осуществляются попытки постижения и усвоения традиционной этнической системы ценностей, мировоззренческих установок. Именно такой подход к фольклорному наследию позволяет говорить о реальной возможности включения народных традиций в современную культуру.

Конечно же, выделенные здесь возможности фольклоризации современной культуры следует расценивать как потенциальные. Но при наличии активной воли, целенаправленных усилий можно надеяться на то, что у нас есть ещё шанс не утратить окончательно свою связь с этнической культурой, не утратить своего этнического своеобразия.

¹ Гвоздикова Л. С. Девья красота: картографирование свадебного обряда на материалах Калининской, Ярославской и Костромской обл. / Л. С. Гвоздикова, Г. Г. Шаповалова // Обряды и обрядовый фольклор / отв. ред. В. К. Соколова. – М.: Наука, 1982. – С. 269.

² Гвоздикова Л. С. Девья красота. – С. 267.

³ Астров Н. Крестьянская свадьба в с. Загоскине Пензенского у. // ЖС. – 1905. – Вып. III. – С. 455.

⁴ См.: Гвоздикова Л. С. Девья красота. – С. 267.

⁵ Русская свадьба: В 2-х т. – М.: ГРЦРФ, 2000. – Т. 2. – С. 381.

⁶ Там же. – С. 291.

⁷ Свадебные песни: ст. 2-я: сообщена из Ржевского уезда // Тверские губернские ведомости: Народные поверья, песни и обряды. – 1850. – № 30. – С. 88.

⁸ См.: Русская свадьба. – С. 332–335, 469.

⁹ Там же. – С. 355–357.

¹⁰ Там же. – С. 394–397, 496, 497.

¹¹ Свадебные песни... – С. 89.